

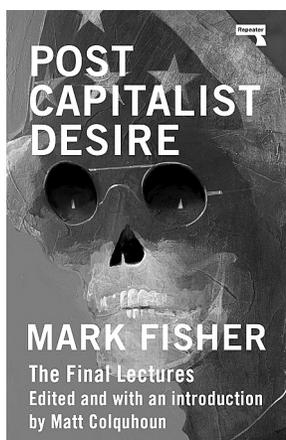
Кирилл Кобрин

Понедельников не будет:

ПОСЛЕДНИЕ ЛЕКЦИИ МАРКА ФИШЕРА

Fisher M. Postcapitalist Desire: The Final Lectures /
Ed. and introd. by Matt Colquhoun.

L.: Repeater Books, 2021. — 264 p.

«Шум мебели, топот и голоса студентов, покидающих класс» (с. 459¹). Этой ремаркой заканчивается публикация стенограммы лекции, прочитанной в конце 2016 г. в Голдсмитском колледже (Лондон) в рамках курса «Посткапиталистическое желание» («Postcapitalist Desire»). Занятие под названием «Либицинальный марксизм» лишь пятое из заявленных четырнадцати; однако оно оказалось последним. Лекция «Либицинальный марксизм» была прочитана 5 декабря, продолжение курса планировалось после рождественских праздников. Но этого не произошло: 13 января 2017 г. преподаватель покончил с собой. Занятия проводились по понедельникам, 13 января пришлось на пятницу; 16-го студенты все-таки собрались в аудитории, будто надеясь, как пишет Мэтт Кухун в Приложении

к книге «Посткапиталистическое желание», что печальные слухи окажутся неправдой и, как заведено с ноября 2016-го, в понедельник в девять часов утра в аудиторию войдет их учитель. Всю вторую половину января студенты приходили в неприлично раннее для них время понедельника и вспоминали своего преподавателя, обсуждая первые пять занятий. Позже все это превратилось в своего рода «читательскую группу», где ученики, а также некоторые коллеги и друзья покойного обсуждали уже его собственные тексты. История редкая для нынешней западной науки, выстроенной по формальным, менеджерским правилам.

Преподавателя звали Марк Фишер; до самоубийства он имел статус очень известного и очень влиятельного автора в весьма узких кругах; статус, который называют «культовым». Начиная с 2017-го слава Фишера распространилась за пределы сообщества британских левых теоретиков и культурных критиков. Его книги стали переводить на другие языки², его цитируют, хотя часто с некоторым недоумением и даже неудобством; смущают довольно герметичная область культурных референций (в основном из британской и, реже, американской поп-культуры) и, конечно, быстрота, подвижность, внезапность, неформальность, в каком-то смысле неуловимость фишеровских сентенций обо всем на свете, от мегахитов Канья Уэста до полузабытых сериалов Би-би-си 1970-х. Я уже не говорю о жанре. Фишер никогда не был «академическим ученым»; то, что его пригласили читать курс в одном

1 Ссылки на страницы даются по электронному изданию книги.

2 На русском изданы: *Фишер М. Капиталистический реализм. Альтернативы нет?* М.: Ультракультура 2.0, 2010; *Он же. Призраки моей жизни: Тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем.* М.: Новое литературное обозрение, 2021.

из лучших учебных арт-заведений, ни в коей мере не свидетельствует о какой-либо карьере в научном мире. Занятия в Голдсмите он вел последние пару лет жизни, будучи «приглашенным» именно благодаря своему статусу независимого арт- и поп-критика и культурного теоретика, который получил известность *за пределами* кафедр и аудиторий. Фигура значимая, но экзотическая и совершенно чуждая для университетов. Более того, до осени 2016-го он на пару с Кодво Эшунум, своим товарищем по аспирантуре Уорвикского университета и соратником по знаменитой тамошней Группе исследований кибернетической культуры (Cybernetic Culture Research Unit, CCRU), вел занятия совсем другого, узкого характера, где обсуждались взаимоотношения звука и изображения в эпоху «всеобщих медиа». Реструктуризация магистерской программы Департамента визуальных культур Голдсмита, укрупнение учебных программ — все это привело к неожиданному результату: Марк Фишер получил возможность прочесть курс не о довольно специальных вопросах дигитальной культуры, а о теме более широкой, общей, но главное — политической. Точнее, политико-теоретической.

Собственно, «Посткапиталистическое желание» не лекции ни в классическом смысле, ни в современном. Не произнесенный с профессорской кафедры монолог ученого, не «презентация» с пауэрпойнтом. Фишеру нужен был разговор — с другими и с собой, да и назвали все это в учебном плане «семинаром». Жанр получился гибридный; как мы видим в книге, большую часть времени преподаватель все-таки *рассказывает*, однако время от времени завязывается дискуссия, в которой студенты делают порой ценные замечания и высказывают интересные соображения. В этом смысле замысел удался; с точки зрения педагогики курс «Посткапиталистическое желание» — несомненный успех, особенно если вспомнить происходившее в аудитории Голдсмитского колледжа уже после смерти преподавателя. Что касается разговора с самим собой, то есть попытки в ходе занятий сформулировать некоторые важные для себя мысли и идеи, — это отдельный вопрос, на который мы попытаемся ответить ближе к концу рецензии. Но сначала кратко о жизни и творческой биографии автора.

Марк Фишер родился в 1968 г. в провинциальном, преимущественно пролетарском, городе Лафборо, учился в тамошней школе, закончил университет столь же провинциального и пролетарского Халла, а аспирантуру — в Уорвикском университете. В последнем он, как уже говорилось, был участником CCRU, где верховодили очень модные тогда молодые теоретики — спекулятивный реалист Ник Лэнд (позже стал философской иконой радикальных альтернативных правых) и Сэди Плант, чьи тексты повлияли на позднейший киберфеминизм. В CCRU Фишер, а также Эшун, известный сегодня британский писатель Хари Кунзру, электронный музыкант и продюсер Стив Гудман и многие другие пытались сформировать современный язык критического разговора о современной культуре и современном обществе, отсюда и «кибер-» в названии группы. Делёза здесь обсуждали вперемежку с Юнгом, Г.Ф. Лавкрафтом и Джеймсом Баллардом, не говоря уже о поп-музыке, телесериалах и кино. Пути организаторов и участников CCRU потом разошлись, но Фишер сохранил связи с Кодво Эшунум, разработчиком теории так называемого афрофутуризма³ и, как говорилось выше, вел вместе с ним занятия в Голдсмитском колледже. И даже Лэнда, хотя он оказался в противоположном политическом лагере, Фишер периодически с интересом вспоминает и цитирует, в частности, и в «Посткапиталистическом желании». Не менее важное

3 Об афрофутуризме и Кодво Эшуне см.: *Былина Е.* Утопия «Черной Атлантиды». Афрофутуризм и электронная музыка // *Неприкосновенный запас.* 2019. № 3. С. 219–238.

влияние на Фишера в 1980—1990-е гг. оказала поп-культура, особенно музыка — пост-панк и независимая электроника. Рейв-культуру рубежа этих десятилетий Фишер считал чуть ли не последним воплощением подлинной утопии о лучшем будущем, о солидарности людей. Впрочем, следует иметь в виду: многие молодые британцы того же происхождения и склада, что и Фишер, считали в то время эту — своего рода альтернативную — разновидность поп-культуры своей, но поп-культуру не «в чистом виде» (песни, фильмы, книги и т. д.), а уже помещенную в контекст тогдашней — без преувеличения, богатейшей — музыкальной журналистики, публиковавшейся в специализированных изданиях вроде «New Musical Express» и других. Это было любимое чтение разочарованного в скучной буржуазной реальности, тянувшегося к культуре юного представителя островного пролетариата и нижней части среднего класса. В 1970-е для них стало откровением, что «высокая» культура, от которой они были страшно далеки по понятным социальным причинам, и «низкая» повседневная реальность могут быть не просто связаны, а теснейшим образом переплетены, даже смешаны в одно. К примеру, в поп-музыке эти горизонты открывал сначала глэм-рок начала 1970-х, а потом и постпанк конца 1970-х — начала 1980-х; главным же объектом восхищения и примером для подражания стал культурный хамелеон Дэвид Боуи, возведший двусмысленность, в том числе и сексуальную, в разряд подлинно современного искусства. Подобная социокультурная революция была бы невозможна, не появившись плеяда авторов, которые в эссе и рецензиях для поп-музыкальных изданий стали дерзко смешивать теорию, современную музыку и кино, радикальную левую политику и референции к образцам высокого модернизма и даже искусству прошлого. Такой провокативный, изысканный, но в то же время демократический дискурс⁴ позволил тысячам подростков и молодых людей из самых простых семей приобщиться к живой модернистской культуре, воспринимать песни, книги, фильмы как феномены одного и того же движения, даже скорее способа *современного мышления*. Когда же эта эпоха кончилась — а Марк Фишер с неослабевающим вниманием наблюдал за последними конвульсиями ее в 1990—2000-е — «демократический модернизм», социальная утопия (относительно) справедливого общества, где нет разделения на культуру эксплуататоров и эксплуатируемых, на «высокую» и «низкую», где деятельность в культурной сфере не сводится к механическому воспроизводству товара с целью получения прибыли, — все это стало объектом если не ностальгии, то меланхолии. Неолиберальный капитализм, окончательно восторжествовавший в 2000-е, вызывал тоску повторяемостью, предсказуемостью, зарабатывал на романах, будущее исчезло, остался один только «капиталистический реализм» с порождаемой им общественной и персональной депрессией.

«Будущее», «капиталистический реализм» и «депрессия» — ключевые точки в биографии Фишера-мыслителя. Эта биография началась с блога k-punk, где — как стало потом типичным для Марка Фишера — обсуждались самые разные культурные феномены. Точкой сборки были авторская позиция и способ письма, своего рода «критическая теория» в действии, в применении к анализу современных культурных форм. Фрагментарность, резкая смена вектора рассуждения, несколько небрежный, но в ключевых пунктах весьма точный язык, персональная интонация, лишенная даже тени сентиментальности — все фирменные знаки текстов Фишера. И конечно, темы: усталая, вечно воспроизводящая свои — уже совершенно пус-

4 Один из главных создателей его — Ян Пенман, постоянный автор «New Musical Express» с 1977 г., позже писал для «Wired», «Sight and Sound» и других. Русский перевод одной из его книг планируется к публикации в серии «История звука» издательства «Новое литературное обозрение».

тые — формы современность неолиберального общества, псевдосовременность культуры, исчезновение «будущего» как идеи, образа, горизонта ожидания, «вечное настоящее» одержимого прошлым неолиберализма. K-punk был культовым медиа своего поколения⁵, плюс он стал платформой для блогов некоторых соратников автора. Фишер начал вести его в 2003-м; последний пост (18 июля 2015 г.) назывался «Паршивых утр понедельника больше не будет» («No More Miserable Monday Mornings») — это цитата из песни «Jobseeker» группы «Sleaford Mods», которой, собственно, почти и исчерпывалась блогговая запись. После прослушивания жесткой постпанковской вещи о безработице и осточертевшей работе там можно было прочесть: «От гнева и печали к коллективной радости... от нескончаемой работы — к бесконечному свободному времени». И внизу приписка: «Универсальный базовый доход прямо сейчас!»

К закрытию k-punk'a Марк Фишер успел прославиться книгой «Капиталистический реализм: альтернативы нет?», где проанализировал то самое «вечное настоящее» неолиберальной стадии капитализма, его онтологизацию самого себя, превращения капитализма в своего рода естественную среду обитания общества. Именно там Фишер переизобрел некогда введенное Жаком Деррида (совсем по другому поводу) понятие «hauntology» (хонтология), которое потом подхватили многие пишущие о современной западной культуре, прежде всего Саймон Рейнольдс. В «хонтологии» сконцентрированы основные черты и мотивы Фишера; согласно ему, призраки прекрасных будущих, которые были обещаны в 1950—1970-е социальным государством, демократическим модернизмом тогдашней поп-культуры, технологической революцией, не воплотившись из-за последующего торжества неолиберализма, до сих пор тревожат нас — точно так же, как призрак коммунизма «преследовал»/«тревожил» Европу в первой фразе марксового «Манифеста»⁶. Былая возможность будущего и невозможность его сегодня порождает меланхолию и в итоге депрессию⁷. Что же до «Капиталистического реализма», то даже те, кто не открывал эту книгу, слышали знаменитую фразу оттуда: «Проще представить себе конец света, чем конец капитализма». Последующие книги Фишера были неровными, представляя собой скорее собрание блогпостов и текстов из обычных изданий, для которых он иногда писал; однако в этой неровности — главное удовольствие от чтения его вещей. В 2016-м Марк Фишер задумал новую книгу под названием «Кислотный коммунизм», но дальше введения не продвинулся. После его смерти были подготовлены еще две книги — объемистый том, куда вошла большая часть публикаций в k-punk, и «Посткапиталистическое желание».

Это очень грустная книга — и не только из-за физической смерти автора, которую она в себе содержит. Самоубийство ретроспективно заставляя по-иному воспринять многие из его рассуждений, к тому времени уже приевшихся: Фишер, как часто бывает с авторами с «коротким дыханием», действительно часто повторялся. Теоретический, экзистенциальный и психологический кризис, в котором Марк Фишер оказался в середине 2010-х, усугубился торжеством неолиберализма в одной из самых отвратительных форм — смеси правого популизма и ксенофобии (роковым здесь оказался 2016-й — победа Трампа в Америке и референдум по Брекситу

5 Знаменитый музыкальный критик Саймон Рейнольдс назвал блог Фишера «журналом одного человека, превосходящим большинство изданий в Британии» (*Reynolds S. Mark Fisher's K-punk blogs were required reading for a generation // The Guardian. 18.01.2017* (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jan/18/mark-fisher-k-punk-blogs-did-48-politics>)).

6 Классический русский перевод, где призрак коммунизма «бродит» по Европе, неточен.

7 Сам Марк Фишер страдал клинической депрессией, которая его и убила.

в Великобритании). Тем отчаяннее он пытался отыскать альтернативу капиталистическому реализму, который всех убедил в своей вечности, в своем бессмертии. Если для Фишера начала 2000-х проблеск надежды обнаруживался в нереализованных будущих британского «популярного модернизма» сорокалетней давности, то к 2016-му его интерес и даже симпатию привлекла американская контркультура конца 1960-х — начала 1970-х, которую он и его соратники вообще-то привыкли презирать — как панки всегда презирали хиппи. Теперь же Марк Фишер утверждает, что сколь бы нелепыми ни оказались практики коммунального обустройства жизни в колониях хиппи, они способны намекнуть на формы будущей солидарности людей. Чтобы подтвердить этот шаткий тезис, Фишер в лекциях обсуждает тексты Маркузе, Лукача, Фрейда, Лиотара. Ключевым понятием здесь становится фрейдовско-маркузеанско-лиотаровское «желание», которое при капитализме трансформировалось в садомазохистскую смесь наслаждения и унижения, испытываемую рабочим классом. Возможно ли новое, другое, освобожденное «желание» после капитализма, точнее в посткапитализме? Ведь капитализм можно обыграть нехитрым образом — ускорить его развитие, довести до логического конца, когда роботизация сделает труд ненужным (потому уже на первой лекции Фишер обсуждает нашумевшую в свое время книгу Ника Срничека и Алекса Уильямса «Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда»⁸). При всем экзотизме некоторых соображений Марка Фишера он действительно пытается ответить на главный вопрос современности — о возможности иного, более справедливого устройства мира, который неизбежно и необратимо меняется из-за технического прогресса и экологической ситуации. Можно сколько угодно иронизировать над будущим, на возможность которого автор намекает в «Кислотном коммунизме»⁹, но в построениях Фишера больше здравого смысла, чем в любой обычной футурологической концепции, ибо говорит он о насущнейшей задаче — освобождении человека и его желания.

Вопрос, естественно, в том, как это сделать. Мы никогда не узнаем, что Марк Фишер думал по этому поводу — на январь и февраль 2017-го были намечены занятия, посвященные как раз историческим корням неолиберального триумфа и различным версиям справедливого будущего, от автономизма до киберфеминизма. Собственно, курс в Голдсмитс, судя по всему, должен был стать каркасом будущей книги. Однако те лекции, что до нас дошли, скорее интонацией, нежели содержанием, намекают на беспокойство и неуверенность автора по поводу своей новой концепции — а Фишер действительно пытался подумать и сказать что-то для себя новое: «хонтология» и «капиталистический реализм» упоминаются на занятиях только студентами и никогда им самим. Создается ощущение, что Марк Фишер кризиса не преодолел, очень хотел, но не смог. На занятиях он говорит много и порой довольно бессистемно, теряя нить рассуждения, но как-то механически, оживляясь, лишь когда всплывают давно знакомые и интересные ему сюжеты из

8 Первое издание: *Srnicek N., Williams A. Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. L.; N.Y.: Verso, 2015. Русский перевод: *Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда*. М.: Strelka Press, 2019.

9 Название проекта последней книги — как и приятие контркультуры 1960-х — вовсе не означает, что Фишеру была близка идея «кислотного рая» или вообще наркотиков как средства освобождения сознания. В 2004 г. (пост от 19 августа) он пишет в k-punk: «Принимать МДМА (метилендиоксиметамфетамин, один из неорганических наркотиков. — К.К.) — это примерно как улучшать («Майкрософт») «Виндоус»: неважно, сколько долларов без труда срубил Билл (Гейтс), операционная система «Виндоус» всегда будет дерьмом, так как она надстроена над утлой структурой DOS» (<http://k-punk.abstractdynamics.org/archives/003926.html>).

поп-культуры или медиа. По темпераменту, по складу своего ума Фишер остался тонким, острым, волнующим наблюдателем нравов и критиком, но одежда теоретика его явно стесняла.

В общем, это действительно очень грустная книга. Но читать ее поучительно и интересно, особенно если параллельно слушать плейлист, составленный специально для этого издания. Открывается он, конечно, той самой песней «Sleaford Mods», тем самым лозунгом «No More Miserable Monday Mornings». Составитель и редактор «Посткапиталистического желания» Мэтт Кухун пишет в предисловии, что ранние понедельничные утра занятий Марка Фишера были «особенными, разнообразными, прихотливыми, какими угодно, но только не паршивыми» (с. 80).